

Галла Мария Васильевна

РАЗВИТИЕ НОМИНАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Автор статьи раскрывает содержание понятия "номинальность", историю развития номинального или именного стиля в немецком языке, а также рассматривает тенденции развития немецкого языка. Для современного немецкого языка характерно распространение "номинального стиля" (Nominalstil), которое связано с тем, что информация становится более сжатой, концентрированной.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/11-1/13.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 11 (29): в 2-х ч. Ч. I. С. 55-58. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 8

Филологические науки

Автор статьи раскрывает содержание понятия «номинальность», историю развития номинального или именного стиля в немецком языке, а также рассматривает тенденции развития немецкого языка. Для современного немецкого языка характерно распространение «номинального стиля» (Nominalstil), которое связано с тем, что информация становится более сжатой, концентрированной.

Ключевые слова и фразы: номинальность; блочные конструкции; номинальный стиль; субстантивация; именная группа; группа имени существительного.

Галла Мария Васильевна

*Московский городской педагогический университет
babygalla@mail.ru*

РАЗВИТИЕ НОМИНАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ©

Языковые изменения никогда еще не происходили так стремительно как в последние десятилетия, и эти изменения касаются, прежде всего, беспрецедентного увеличения словарного запаса. Однако и грамматика не остается в стороне – даже она, одна из самых устойчивых и консервативных языковых сфер, вынуждена реагировать на современные реалии. Говоря о тенденциях развития современного немецкого языка, необходимо особо подчеркнуть, что речь идет в первую очередь либо об определенных предпочтениях в выборе языковых средств, которые уже имеют место быть, но еще не стали общеобязательными и общепризнанными, либо о дальнейшем развитии уже имеющихся явлений и процессов [7].

На современном этапе социально-исторического развития языкового сообщества возникла необходимость в четком, экономичном, сжатом, то есть рациональном языке. Современный язык должен быть в состоянии с наименьшими затратами (сил и средств) передавать максимум информации.

Тенденция к языковой экономии или рационализации проявляется двояко: во-первых, это выражается в стремлении передавать минимумом средств максимум информации, во-вторых, – в изменениях, нацеленных на систематизацию и упрощение языкового строя. Тенденция к языковой экономии обусловлена потребностью носителей языка представлять ситуации, явления действительности в компактной форме.

Одним из самых часто используемых и признанных средств логического уплотнения высказывания является группа существительного, так как с ее помощью можно выразить содержание целых предложений.

Высокий процент концентрации субстантивных групп отмечается уже не только, как это было до недавнего времени, в языке науки, ими насыщен сегодня и публицистический стиль. Это связано с характерным для этих функциональных стилей использованием девербативных и деадъективных существительных, которые, сохраняя свою вербальную и адъективную валентность, переносят ее в номинальную сферу, образуя так называемые «блочные конструкции» с абстрактным отглагольным существительным в качестве стержневого компонента в атрибутивном словосочетании с генитивными и предложными определениями.

Возможность передавать глагольное содержание придаточных и цельных предложений при помощи атрибутивных субстантивных групп, представляющих собой свернутые предикативные ядра (номинализации или атрибутивные «блоки») и, как следствие, сокращение числа гипотактических структур принято рассматривать как наиболее характерные черты номинального стиля, определяющего в целом характер современного немецкого языка.

Истоки развития субстантивного (номинального) стиля относятся к начальному этапу становления немецкого литературного языка (XV-XVII вв.), когда происходит перестройка и расширение группы существительного [2, с. 118]. Поэтому именной группе посвящено значительное число исследований отечественных и зарубежных германистов. На современном материале это работы В. Бондцио, Г. Зайлера, К. Зоммерфельдта, Г. Лаутербаха, И. Д. Садовниковой, В. Тойберта, Н. И. Филичевой, Й. Шойблина, Э. Л. Шубиной и др. Из отечественных исследований следует назвать основополагающие труды В. Г. Адмони, М. М. Гухман, В. М. Павлова, Н. Н. Семенюк, из зарубежных – работы Г. Шиб, Г. ван дер Эльста, М. Рессинг-Хаген, М.-Е. Фритце, А.-М. Хайдер. Однако монографические исследования по синтаксису словосочетания в ранненововерхнемецком языке немногочисленны, а в изучении развития именной группы и становления именного стиля в центральных жанрах ранненововерхнемецкого языка имеются значительные лакуны. Только одному типу именных сочетаний — квантитативным сочетаниям в немецком языке XVII-XX вв. посвящена диссертация Э. Л. Шубиной [9, с. 275]. Именной группе отведен специальный раздел в работе Х. Эггерса [10, S. 32-35] и в «Грамматике ранненововерхнемецкого языка», однако хроники в них представлены недостаточно ввиду малой их исследованности.

«Номинальный стиль» возник под влиянием развития техники и науки, для которых важны краткость и насыщенность, и под влиянием современной жизни, где важны точность, краткость изложения. Во всем нужна мера, и слишком длинные предложения и конструкции сложны для восприятия» [14, S. 66].

Номинализация позволяет выразить смыслы не вербально, а номинально, предпочтение отдается существительным. Этот феномен известен также и под другими названиями: «субстантивация» – по преобладающей в нем части речи – существительному; «номинализационный» – по ведущему словообразовательному механизму; «стиль номинальных групп» – по главной составляющей – группе существительного; «бумажный немецкий» – по сфере употребления. Функционально обусловленным и уместным является номинальный стиль в письменной коммуникации при подчеркнутом изображении событий или фактов на уровне официального общения, в научно-технических и публицистических текстах.

Для номинализации характерны «блочные» конструкции. Они не противоречат способу мышления современного человека, который оперирует абстрактными понятиями. Существует точка зрения, объясняющая этот феномен тем, что для современного языка характерна общая тенденция представлять не сами мыслительные процессы, а их результаты.

Своеобразное «пристрастие» современного языка к развернутым номинализациям Р. Гроссе объясняет тем, что «...в них самым удобным способом соединяются два субстантивных или субстанционально понимаемых явления...» [6, с. 28], то есть информация представляется в абстрактной форме.

В. Г. Гак связывал расширение употребления аналитических сочетаний с «...общим расширением номинативных задач языка, которые осуществляются прежде всего за счет словосочетаний, способных выражать оттенки значений с более тонкими нюансами, чем отдельные слова» [5, с. 88].

Проследив за изменениями в группе существительного за последние два столетия (с XVII века до середины XX века), В. Г. Адмони отмечает следующие основные процессы, происходящие внутри группы существительного:

1. постоянное пополнение арсенала существительных, которые используются для образования развернутых групп существительного (номинализаций);
2. более широкое использование форм сложного существительного как средства выражения синтаксического содержания;
3. оттеснение чисто генитивных цепочек и развертывание смешанных генитивно-предложных цепочек [3, с. 45].

Этот перечень основных структурных изменений в группе существительного был бы неполным без упоминания важного, на наш взгляд, прогноза, сделанного в свое время Х. Эггерсом и находящего подтверждение в современном развитии немецкого языка, относительно стремления языка избегать рамочную конструкцию как в предложении, так и в группе существительного, то есть вообще двигаться от господствующего компонента к зависимому и таким образом облегчать понимание содержания и группы существительного, и предложения в целом [10, S. 32].

Отвлеченное понятие в таких случаях, выраженное абстрактным отглагольным существительным, поясняется существительными с более конкретным содержанием. Процесс восприятия, таким образом, происходит от абстрактного к более конкретному, а не наоборот, как это наблюдается при рамочной конструкции. И, как следствие этого, прогнозировалось увеличение числа постпозитивных несогласующихся определений [1, с. 138; 10, S. 34].

Данный феномен характеризует высокую насыщенность предложения существительными и членами группы существительного (обозначаемой также как *именная группа*), так называемый «именной» (субстантивный стиль) (Nominalstil), широко распространенный во многих жанрах современного немецкого языка [3, с. 40].

Номинальный стиль – это широкое использование при порождении текста номинальных конструкций, связанное со стремлением автора текста представить изложение материала в рамках одного предложения сжато, концентрированно [12].

Номинальный стиль – это отражение тенденций развития структуры современного немецкого языка [8, с. 163].

Немецкий лингвист В. Зандерс рассматривает тенденции развития немецкого языка и отмечает, что для современного немецкого языка характерно распространение «номинального стиля» (Nominalstil), которое связано с тем, что информация становится более сжатой, концентрированной. Происходит постепенное сокращение длины современного предложения (с 20 до 8 слов).

Автор указывает, что «номинальный стиль» включает в себя не только употребление отглагольных существительных и субстантивированных инфинитивов в составе предложной группы, но и *Augenblickskomposita* – образований, возникших благодаря сложению основ [13, S. 62-64].

В современном немецком языке наиболее употребительными являются: простые предложения, номинальные конструкции [Ibidem, S. 62].

Л. Райнерс решительно выступает против распространения «номинального стиля» и называет это явление «Hauptwörterseuche», что можно расценить как борьбу традиционной стилистики с языковыми изменениями, связанными с эпохой, временем. Здесь мы наблюдаем отказ языка от старых, изживших себя форм в пользу новых, несовершенных с точки зрения литературного языка, но коммуникативно ориентированных [12].

Мы считаем, что употребление номинальных конструкций соответствует духу времени. Употребление номинальных конструкций в первую очередь связано с явлением языковой экономии. Данные конструкции ни в коей мере не наносят ущерба смыслу высказывания, а делают, наоборот, высказывание информативным, насыщенным, коротким.

Девизом современного немецкого языка можно назвать высказывание Г. Эггерса «Как можно больше информации и как можно меньше слов» («Möglichst viel Information in möglichst wenig Worten»), что непосредственно связано с явлением языковой экономии [10, S. 198].

«Язык поведения общества регулируется принципом наименьшего усилия или принципом языковой экономии, которая связана с ограниченными возможностями человеческой памяти. Некоторые ученые (В. Ингве, Дж. Миллер) считают, что существует определенный четко выраженный предел точности, с которой человек может различать какую-либо величину. Этот предел называется объемом абсолютной оценки информации. Количество таковой, которую мы можем получить, переработать и запомнить, ограничено числом 7 ± 2 » [14, S. 214].

Проблема языковой экономии занимала многих ученых (В. Гумбольдта, Г. Пауля, О. Есперсена). Они полагают, что такие виды языковой экономии, как систематизация, упрощение, сокращение, характеризуют все аспекты языка. Причем в синтаксисе в результате уплотнения, компрессии информации сложные синтаксические построения превращаются в более мелкие единицы. Эти упрощения по форме получили название «языковые экстракты» или «языковые концентраты» [12].

Л. Райнерс отмечает необходимость выразить свои мысли кратко, но он отмечал, что «краткость имеет границы, где она может вызвать неясность» («Die Knappheit findet die Grenze, wo sie Unklarbarkeit hervorruft») [13, S. 360].

Наряду с советами: «Пиши кратко!» («Schreib kurz!») и «Строй короткие предложения!» («Bau kurze Sätze!»), Л. Райнерс указал на то, что нормальное предложение должно содержать от 10 до 20 слов, предложения от трех до четырех слов – это астматический немецкий (Astmadeutsch) [Ibidem, S. 361].

В. Зайбике считает, что предложение свыше 15 слов слишком длинное, меньше 10 короткое [16, S. 79]. По мнению Г. Эггерса, длина предложения в художественных произведениях должна быть 16 слов, в газетах – 13 слов, в публицистическом стиле в большей мере проявляется тенденция современного языка к коротким предложениям. Предложение, состоящее из 9 слов, не вызывает ни у кого возражений [10, S. 35].

В. Зайбике справедливо отмечает, что должны употребляться и длинные, и короткие предложения, сложные и простые: «Чередование видов предложений, коротких и длинных, утомляет меньше всего и делает мысли, которые хотят выразить, более понятными» [16, S. 183].

Тенденция к употреблению простых, коротких предложений (их свыше 40%) вызвана развитием языка и логики [13, S. 151] и связана с принципом рациональности и языковой экономии в языке.

Номинальный стиль характерен прежде всего для языка прессы и публицистики, а также языков науки, техники.

Расширение употребления и связанное с этим увеличение объема и сложности именной группы в немецком языке обусловлено ее значительным потенциалом в отношении возможности компактного выражения информации [11, S. 232].

В наше время растет потребность в ускоренном ритме жизни, а вместе с ним и умение коротко и сжато передавать информацию. Номинальность дает нам такую возможность. С помощью именных групп, мы можем выразиться не вербально, а номинально, вследствие чего затрачивать меньше времени при говорении.

Список литературы

1. Адмони В. Г. Морфологическая структура слова в немецком языке. Морфологическая структура слова в индоевропейских языках. М.: Наука, 1970. 386 с.
2. Адмони В. Г. Развитие структуры предложения в период формирования немецкого национального языка. Л.: Наука, 1966. 214 с.
3. Адмони В. Г. Синтаксис современного немецкого языка: система отношений и система построения. Л.: Наука, 1973. 366 с.
4. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. М.: Просвещение, 1977. 264 с.
5. Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков: учебник для пед. ин-тов и спец. «Иностр. яз.». Изд-е 3-е, дораб. М.: Просвещение, 1989. 286 с.
6. Гроссе Р. Диалекты и письменный язык на территории Верхней Саксонии // Вопросы германского языкознания / АН СССР. М. – Л., 1961. 306 с.
7. Морозова О. Н., Носкова С. Э. О некоторых тенденциях языковых изменений в германской лингвокультуре [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. Тверь: ТГСХА; ТИПЛиМК, 2007. № 1 (6). URL: http://tverlingua.ru/archive/006/section_1_6/1_4_6.htm (дата обращения: 08.08.2010).
8. Муратова С. В. Тесные экспликативные синтагмы с сопряженным атрибутивным комплексом в современном немецком языке: дисс. ... канд. филол. наук: Н. Новгород, 2001. 218 с.
9. Шубина Э. Л. Проблема нормы и вариативности в немецком языке на уровне словосочетаний типа *Nquant+AdjN* и *eine Art+AdjN*: по материалам художественной литературы XVII-XX вв., современной прессы и экспериментальных данных. М., 2007. 505 с.
10. Eggers H. Beobachtungen zum «prapositionalen Attribut» in der deutschen Sprache // Wirkendes Wort. 1957/1958. H. 5. 269 S.
11. Fleischer W., Michel G. Stilistik der deutschen Sprache. Leipzig: VEB Bibliografisches Institut, 1977. 394 S.
12. http://www.orelgiet.ru/razdel1_filologia2011.doc
13. Reiners L. Stilkunst: ein Lehrbuch deutscher Prosa. Munchen: Beck, 1950. 644 S.
14. Sanders W. Linguistische Stilistik. Göttingen: Vandenhoeck u. Ruprecht, 1977. 488 S.
15. Sanders W. Linguistische Stiltheorie. Göttingen: Vandenhoeck u. Ruprecht, 1977. 527 S.
16. Seibicke W. Die Personennamen im Deutschen. Eine Einführung. Berlin: Walter de Gruyter, 2008. 236 S.

DEVELOPMENT OF NOMINAL ESSENCE IN THE MODERN GERMAN LANGUAGE

Galla Mariya Vasil'evna

Moscow City Teachers' Training University
babygalla@mail.ru

The author reveals the content of the notion "nominal essence", the history of a nominal or noun style in the German language, and also considers trends in the German language development. The spread of "nominal style" (Nominalstil) is typical of the modern German language, which is related to the fact that information becomes more compressed, concentrated.

Key words and phrases: nominal essence; modular-type constructions; nominal style; substantivization; nominal group; noun group.

УДК 82-1/29

Филологические науки

В статье рассматриваются аспекты «клаустрофобного» восприятия пространства в романтических балладах В. А. Жуковского. «Клаустрофобия» понимается как ситуация нарушения органической связи между субъектом и действительностью, воспринимаемой как замкнутое пространство. Данная особенность встречается на разных уровнях текста (предметном, модальном, ментальном) и может служить инвариантной моделью описания балладной реальности.

Ключевые слова и фразы: русский романтизм; баллада; В. А. Жуковский; клаустрофобия; страх; пространство.

Гостева Анна Владимировна

Воронежский государственный университет
angosteva@yandex.ru«КЛАУСТРОФОБНАЯ» ПОЭТИКА РУССКОЙ РОМАНТИЧЕСКОЙ БАЛЛАДЫ©

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках исследовательского проекта № 12-04-00041 «Семиотика и типология русских литературных характеров (XVIII – нач. XX века)».

В настоящей статье рассматриваются структура специфических локусов в русской балладной поэзии. Аномальное, «клаустрофобное» восприятие в этом контексте понимается нами как ситуация нарушения органической связи между субъектом и реальностью (ощущаемой как замкнутое пространство), сопровождающаяся ощущениями дискомфорта, волнения, страха. Как представляется, в романтической балладе локусы, имеющие подобную рецепцию, оказываются принципиально важными в контексте поэтики жанра. Предметом анализа являются произведения В. А. Жуковского как наиболее совершенные и репрезентативные образцы русской литературной баллады.

В романтических балладах замкнутое пространство эксплицируется прежде всего гробом и могилой, в некоторых случаях – подземельем, церковью, замком, которые обычно являются местом действия inferнальных сил. Гроб и могила обычно характеризуются в плане традиционной мифологической аналогии с домом: «Близ Наревы дом мой тесный. / ...Лишь полночный час пробьет — / Мы коней своих седлаем, / Темны келья покидаем» [3, с. 10] («Людмила», 1808); другие характеристики дома – «Хладен, тих, уединенный, / Свежим дерном покровенный; / Саван, крест, и шесть досок» [Там же, с. 11]; дом – это и «келья гробовая», и «земли утроба». Эти контекстные синонимы гроба (тесный дом, келья, обитель) являются устойчивыми метафорами в различных балладных текстах. Если проанализировать описание трупа в «Людмиле» («...труп оцепенелый; / Прям, недвижим, посинелый, / Длинным саваном обвит. / Страшен милый прежде вид; / Впалы мертвые ланиты; / Мутен взор полуоткрытый; / Руки сложены крестом» [Там же, с. 13]), то становится очевидно, что он капсулируется несколько раз: «обвит» саваном, уложен в гроб, опущен в могилу и, кроме того, находится на кладбище, которое описано как запертый двор («...спал с ворот запор; / Борзый конь стрелой на двор. / Что же, что в очах Людмилы? / Камней ряд, кресты, могилы...» [Там же, с. 12]). Сам мертвец преобразует это буквальное описание в изображение дома, в котором кровать – гроб, саван – кроватный полог, могила – опочивальня, кладбище – большой дом: «Нам постель — темна могила; / Завес — саван гробовой; / Сладко спать в земле сырой» [Там же, с. 13]. Неотъемлемой частью «жизни этого дома является, говоря словами М. Вайскопфа, «бестиальный аккомпанемент»: «Стон и вопли в облаках, / Визг и скрежет под землею; / Вдруг усопшие толпою / Потянулись из могил; / Тихий, страшный хор завыл» [Там же].